

© 2010 г. Т.А. Кудинова

ЯЗЫКОВОЙ СУБСТАНДАРТ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Анализируются теоретические основы перевода сквозь призму функционирования субстандарта в тексте. Делается акцент на то, что репрезентация трансформированного оригинала должна выполняться с учетом национально-культурных особенностей контекста и прагматических установок введенных субстандартных единиц.

Ключевые слова: субстандарт, диалект, жаргон, просторечие, идиостиль, идиолект.

Проблема перевода в философском ракурсе сводится фактически к решению вопроса о том, как связаны означаемое и означающее и является ли означаемое реальным источником для означающего. В структуралистских построениях признавалось наличие вещей самих по себе (чистых смыслов) и тождественных между собой слов, описывающих эти смыслы в разных языках. И важным считалось не то, как говорится, а сам смысл вне зависимости специфических особенностей языка. Из этого следовало, что переводчик должен обратиться (вернуться) к самим вещам, первоначальным по отношению к языку. В рамках другой традиции (постструктуралистской), означаемое определяет означающее, то есть национальная специфика, которой предлагается пренебречь в пользу «чистых смыслов вещей», как раз и оказывается основанием любой вещи. Слово всегда принадлежит определенному культурному контексту, формируется и функционирует в рамках данного контекста. Вне этого культурного контекста слово теряет свою специфику, следовательно, прерывая связь с языковым контекстом, теряет и смысл. Если признавать существование этого «чистого языка», то есть изолирование его от оболочки, то отпадает необходимость в работе переводчика, ее может выполнить компьютер. Если же признать, что «чистого языка» не существует, то переводческая деятельность предполагает индивидуальное творчество на языке перевода по мотивам языкового оригинала произведения. Проблема переводчика заключается именно в поиске адекватных структур языка, с которо-

го он переводит, в языке, на котором осуществляется перевод. При этом переводчик ограничен, с одной стороны, оригинальным языком, а с другой – языком, на который он переводит.

Современная теория перевода вобрала в себя многовековое обсуждение явлений, наблюдаемых в процессе переводческой деятельности. Однако для возникновения лингвистической теории перевода необходимы были определенные предпосылки и определенный уровень развития лингвистической теории. В 30-е гг. XX в. в центре внимания языковедов оказались вопросы синхронного изучения языков и соотношение между языковыми системами. Исследование этих вопросов во многом способствовало возникновению и развитию лингвистической теории перевода, в рамках которой перевод стал рассматриваться как творческая деятельность. Получили решение многие конкретные вопросы, такие, как установление межъязыковых соответствий при переводе, классификация вариантов перевода, принципы передачи безэквивалентной лексики, реалий, омонимов и т.д. Новым этапом в развитии переводческой мысли стали 60-е гг. XX в. В пост-структуралистский период произошел «культурный поворот» в переводоведении, были подвергнуты критике лингвистические модели перевода, поскольку поиски эквивалентности как *tertium comparationis* оказались бесперспективными, причем неважно, на каком уровне эти поиски осуществлять (на уровне слова, предложения или целого текста). Переводы стали признаваться прежде всего продуктами культуры, ибо они возникают не столько «из языка», сколько из требований культуры, и воспринимаются не столько на основании языковых норм, сколько в контексте культуральных норм и конвенций. Собственно перевод был провозглашен лишь одной из форм переписывания (*rewriting*) наряду с комментарием, критическими статьями, антологиями и т.д., то есть всеми формами, которые продолжают жизнь оригинала. В этом смысле перевод никогда не является актом простой репрезентации оригинала, так как преследует определенные цели в рамках культуры-реципиента. К середине 90-х гг. XX в. культурологический поворот был широко признан в науке о переводе. Сегодня лингвокультурология уже сформировала понимание структуры и содержания коммуникативной компетенции и признала, что ее неотъемлемым компонентом является культурно-языковой код. В любом случае перевод неизбежно подразумевает трансформацию оригинала. Во многих концепциях основными понятиями становятся понятия коммуникативной установки, коммуникативного эффекта. Чаще всего ана-

лизируется триада, включающую три взаимосвязанных элемента: 1) коммуникативную интенцию; 2) функциональные параметры текста; 3) коммуникативный эффект. Соотношение между элементами триады формулируется следующим образом: переводчик выявляет на основе функциональных доминант исходного текста лежащую в его основе коммуникативную интенцию и, создавая конечный текст, стремится получить соответствующий этой интенции коммуникативный эффект. Согласно взглядам представителя Лейпцигской школы А. Нойберта и американского лингвиста Ю. Найды, адекватность перевода может пониматься двояко: как передача содержания подлинника с соблюдением норм языка перевода и как прагматическое соответствие, предполагающее соответствие реакций получателей перевода реакциям получателей исходного текста. Итак, от сугубого внимания к собственно языковой составляющей переводимого текста, то есть от семантики и грамматики, теория перевода пришла к интенциям адресантов и адресатов текста. Произошло своего рода «очеловечение» процесса перевода, который перестал восприниматься как простой, чисто технический переход от знаков одного языка к знакам другого языка, а стал рассматриваться в широком национально-культурном и прагматическом контексте.

Главным критерием адекватности перевода становится коммуникативно-функциональная равнозначность исходного и переводного текстов. Концептуальным в новом подходе является разграничение языковых значений и речевых смыслов. Смысл текста может быть понят интерпретатором только при соотнесении языковых значений с экстралингвистическими факторами, релевантными для каждой ситуации. Каждому корректно построенному тексту присуща определенная прагматическая ориентация, постижение и ретрансляция которой в переводе неизбежно опирается на целый ряд дополнительных факторов, связанных с культурно-историческими, этническими, социальными особенностями социумов. Общественное предназначение перевода находит свое отражение в требовании, согласно которому переводимый текст должен восприниматься получателем так же, как он воспринял бы текст оригинала, если бы он владел соответствующим языком, и читался бы так же, как оригинал, то есть чтобы по языку перевода не чувствовалось его иностранное происхождение. Однако выполнению этой задачи препятствует «лингвоэтнический барьер» (термин, введенный Л.К. Латышевым [1, с. 7]). Лингвоэтнический барьер возникает не только потому, что коммуниканты,

общающиеся при помощи перевода, не владеют общим языком, но и потому, что между ними существуют различия, определяемые их принадлежностью к различным культурам. Составляющими лингвоэтнического барьера являются: различия систем исходного и переводящего языков, несовпадение норм и речевых узусов, расхождения в системе фоновых знаний и т.д. Задача переводчика – нейтрализовать лингвоэтнический барьер, то есть осуществить лингвоэтническую ретрансляцию. В современной теории перевода, отмечает В.В. Сдобников [2, с. 29], слово «коммуникация» стало определяющим, ибо оно предполагает наличие живых (или хотя бы предполагаемых) коммуникантов с их потребностями, мотивами, целями, с их реакцией на воспринимаемый текст, а в результате – с их взаимодействием в реальной речевой ситуации двуязычного общения, ради которого и осуществляется перевод.

Задолго до теоретического обоснования коммуникативно-функционального характера перевода писал К.И. Чуковский и, не оперируя терминами, отражающими понятийные основы указанного подхода, предлагал именно такой тип перевода. При этом одно из центральных мест в его знаменитой книге «Высокое искусство» занимает проблема передачи субстандарта в переводном тексте. Главная цель переводчика художественного текста – сохранение идиостиля автора и, следовательно, достижение общего прагматического и лингвокультурного звучания оригинального и переводного текстов – будет достигнута, если учитывается семантическая емкость субстандартных лексем, которыми, как правило, изобилует писательский идиолект. Если автор в состоянии создать свой индивидуальный, неповторимый и небывалый прежде мир образов, чувств и мыслей, то переводчик своей задачей должен считать воссоздание идиолекта, и даже идиостиля автора. Идиостиль, идиолект – сегодня одни из самых распространенных терминов бурно развивающейся теории художественного текста. Понятия, передаваемые этими терминами, не тождественны. В индивидуальном стиле речи на первый план выдвигается интеллект личности. Однако интеллект проявляется прежде всего на сложных уровнях организации. Именно это обстоятельство становится основой различия данных понятий. Идиолект представляет собой совокупность структурно-языковых особенностей языковой личности, а идиостиль – это совокупность речетекстовых характеристик, формирующихся под воздействием экстралингвистических параметров [3, с. 71-72]. Без воссоздания писательского идиолекта, в котором вербализовано индивиду-

ально-художественное представление о мире, не может быть успешной переводческой деятельностью.

Разбирая переводы Мэриан Фелл, К.И. Чуковский [3, с. 16-17] пишет, что все ее многочисленные словарные ошибки ничто по сравнению с тем, каким «бесцветным, скардным» языком она передает субстандартные единицы в чеховских текстах, как вытравляет образные колоритные фразы типа *Будь я подлец и анафема, если я сяду еще когда-нибудь играть с этой северягой, Я такой же мерзавец и свинья в ермолке, как и все, Моветон и старый башмак.* Если у Чехова персонаж говорит: *Сижу и каждую минуту околеванца жду!* – то у переводчицы этот человек канителит: *Я должен сидеть здесь, готовый каждую минуту к тому, что смерть постучится в мою дверь.* Такую плоскую анемичную гладкопись К.И. Чуковский называет «расправой» с автором, поскольку в слове «смерть» нет и быть не может деликатности, ее отсутствие как раз и передано А.П. Чеховым именно в лексеме *околеванец*. Если диккенсовский вульгарно-грубый Кранчер кричит своему сыну, чтобы тот замолчал: *Drop it then!*, то наилучшим переводом будет не «перестань», «прекрати» или «брось», а «заткнись». Если в подлиннике наглый грубиян кричит своей беззащитной жене: *Why do you show your pale face?*, то наиболее близким стилистически будет: *Чего ты суешься со своей постной рожей?* Выдвижение на передний план проблемы изучения языковой личности предполагает интерес прежде всего к той личности, которая способна обогатить язык. Перспективы развития междисциплинарной науки о человеке постоянно требуют исследования связей и взаимообусловленностей между речевой деятельностью и способами ее осуществления, изучения зависимости выбора средств выражения от характера личности, ее психологических и интеллектуальных особенностей, ее деятельности. Согласно знаменитой формулировке В. Набокова, всякая великая литература – это феномен языка, а не идей. Роман Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» написан на сленге, и переводчики всегда стремились сохранить эту особенность. Можно сравнить в переводе Р. Райт-Ковалевой: *hot-shot guy – этакый хлюст, has stolen – снep, to tiff – поцанаться.*

Однако следование простому правилу, предписывающему переводить просторечие просторечием, а сленг – соответствующим сленгом, может привести к неудачам другого типа. Как пишет К.И. Чуковский: «Странно читать, когда британские джентельмены и леди говорят друг другу: *«И мы не лыком*

шиты...», «Батюшки!», «Пропала моя головушка!», «Тю-тю!» И напротив, когда герои Диккенса поют: *«Иппи-дол-ли-дол, иппи-дол-ли-дол, иппи-ди, – Е.Г. Бекетова переводит: «Ай люли! ай люли! Разлюлюшеньки мои»*. Получается такое впечатление, как будто и мистер Сквиркс, и сэр Мельберри Гок, и лорд Верисофт – все живут в Пятисобачьем переулке в Коломне и только притворяются британцами...» [3, с. 99]. То есть буквальное следование правилу о необходимости соответствия субстандартов может привести к анекдотическим результатам. Между прочим, такие приемы были отвергнуты еще в XIX в. К примеру, в некрасовском «Современнике» (1851г.) был высмеян перевод теккереевской «Ярмарки тщеславия» («Базар житейской суеты»), где персонажи изъяснялись на диалекте московских лабазников.

Специалисты по переводоведению В.Н. Комиссаров [4, с.76-77] и И.С. Алексеева [5, с. 194-195] предлагают разграничивать два случая использования диалектов в оригинале: диалект как исходный язык (причем в этом случае диалектный статус исходного языка вообще не имеет отношения к содержанию оригинала, а от переводчика требуется только знание именно этого диалекта) и диалектные формы как необходимость характеристики отдельных персонажей. В последнем случае перед переводчиком встает задача передачи той дополнительной информации о территориальной принадлежности говорящего, которая содержится в оригинале. И трудность, естественно, заключается в том, что невозможно использовать диалектные формы языка перевода, даже если таковые имеются, поскольку они идентифицируют совершенно иную группу людей. Именно поэтому диалект негров Миссури, на котором (по большей части) говорит Джим у Марка Твена, никто не пытался передать средствами немецких или русских диалектов. В.Н. Комиссаров указывает на решение проблемы: учет тесной связи территориальных и социальных диалектов. Поскольку территориальные обычно сохраняются в речи малообразованных людей и сглаживаются в процессе получения образования, дополнительная информация, репрезентируемая территориально-диалектными формами, может быть передана в переводе средствами малообразованной речи. Присутствие в переводном тексте хотя бы небольшого количества маркеров сниженности способно отчасти решить проблему. Если профессиональные диалекты особых переводческих трудностей не вызывают, поскольку основные профессиональные группы (моряки, военные, медики и т.д.) совпадают во многих культурах и при переводе могут быть использованы средства соответствующей

щего профессионального жаргона, то передача особенностей иных социолектов осуществляется не так легко. Дело в том, что степень социального и соответственно языкового расслоения в различных лингвокультурах отнюдь не одинакова. Эквивалентность в переводе в этом случае может устанавливаться между совершенно разными типами речи, и важно, чтобы различия в речевых формах имели соответствующий социальный статус.

«В идеале перевод должен вызывать у читателя то же стилистическое впечатление, какое испытывают читатели подлинника» [6, с. 95-96]. А если сознательно отказываться от всех попыток передачи субстандарта, то надо отказаться, как нам представляется, и от притязаний на художественный перевод. Таким образом, при переводе субстандарта актуален функциональный признак, поскольку одна из функций диалекта в тексте связана с привнесением оттенка простонародности, провинциальности, диалект как субстандарт может быть передан средствами другого субстандарта, обладающего сходной функцией, с помощью просторечия. При такой функциональной лексической замене сохраняется признак ненормативности оригинального текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Латышев Л.К.* Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М., 1988.
2. *Сдобников В.В.* Коммуникативно-функциональный подход к переводу в российском переводоведении // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2.
3. *Чуковский К.И.* Высокое искусство. Т. 3. М., 2001.
4. *Комиссаров В.Н.* Культурологические и социологические аспекты переводоведения. Самара, 2005.
5. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. СПб, 2004.
6. *Петров С.* О пользе просторечия // Мастерство перевода. М.–Л., 1963.

***Ростовский государственный
строительный университет***

2 августа 2010 г.